

В. В. РОГИНСКИЙ

СОЮЗ РОССИИ И ШВЕЦИИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ 1812 г.

Русско-шведские отношения в новое время еще не стали предметом всестороннего исследования, за исключением войн, которые вспыхивали между двумя государствами. Годы мира и дружбы остаются пока не освещенными в нашей историографии. Это касается и периода, наступившего после последней в истории русско-шведских отношений войны 1808—1809 гг., и особенно отрезка времени, непосредственно предшествовавшего Отечественной войне 1812 г.¹

¹ В известных дореволюционных работах о войне 1812 г.— А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, Н. К. Шильдера, В. К. Надлера — можно найти только самые общие сведения об отношениях России со Швецией. Более подробно на них останавливались А. Н. Попов и С. А. Корф (см. А. Н. Попов. Отечественная война 1812 года. М., 1905; С. А. Корф. Россия и Швеция. Финляндские дела.— «Отечественная война и русское общество», т. II. М., 1912). В советской историографии эта проблема обстоятельно анализировалась в статье И. С. Звавича (И. С. Звавич. Союз между Россией и Швецией в 1812 г.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. I, 1944, № 1). См. также Е. В. Тарле. Континентальная блокада. М., 1913; А. Л. Нарочницкий. Об историческом значении континентальной блокады.— «Новая и новейшая история», 1965, № 6.

Значительно обстоятельней русско-шведские отношения в 1812 г. рассматривались в шведской историографии, которую в рамках данной статьи не представляется возможным охарактеризовать подробно. Отметим, что в XIX в. интерес к отношениям с Россией, к союзу 1812 г., в частности, диктовался злободневностью проблемы. Либеральная шведская публицистика 20—50-х годов XIX в. (общую ее характеристику см. А. С. Кан. Буржуазная историография революции 1809—1810 гг. в Швеции.— «Вопросы истории», 1973, № 5, стр. 80—83), критикуя абсолютистские замашки короны, необоснованно подвергала нападкам жизненно важное для Швеции сближение с Россией после 1810 г. Особенно усилились нападки на шведскую «политику 1812 г.» во время Крымской войны, когда и возник сам этот термин, обозначивший поворот во внешней политике Швеции после 1809 г. в сторону сближения с Россией (историографический обзор шведской литературы о «политике 1812 года» см. St. Carlsson. Sveriges historia, d. 2. Stockholm, 1970, 3 ed., s. 268—271). Но уже к концу XIX в. этот сюжет, потеряв прежнюю политическую остроту, стал традиционной темой академической историографии. Упомянем в данной связи монографии видных шведских историков консервативного направления: Ф. М. Мурена (F. W. Mörén. Kring 1812 års politik. Stockholm, 1927) и Т. Т. Хейера (T. T. Höjer. Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm, 1943; его же. Den svenska utrikespolitikens historia, b. III, d. 2. Stockholm, 1954), работу буржуазно-либерального ученого Е. Вейбуля (J. Weibull. Carl Johan och Norge. Unionsplanerna och deras förverkligande 1810—1814. Lund — Oslo, 1957). В 40—50-х годах на страницах исторических журналов неоднократно возникали дискуссии вокруг проблем «политики 1812 г.» (см. «Historisk tidskrift», 1942, № 4, 1944, № 1, 3, «Scandia», 1948, В. XVIII; 1951—1952, В. XXI). В какой-то степени итог этих исследований подведен в вышедшей на французском языке монографии финского историка П. Томмилы (P. Tommila. La Finlande dans la politique européenne. Helsinki, 1962). В целом для шведской буржуазной историографии «политики 1812 г.» свойственна недооценка русско-шведского союза, как и вообще отношений с Россией в XIX в. Этим объясняется то, что до сих пор нет работы, специально посвященной русско-шведским отношениям, за исключением популярной брошюры Т. Хейера, где «союз 1812 г.» охарактеризован как поворотный пункт в отношениях между двумя го-

Современников событий и последующие поколения волновал вопрос, как же произошло, что Швеция, утратившая в Северной войне с Россией в начале XVIII в. роль великой державы, проигравшая России ряд войн в XVIII в., потерпевшая в 1808—1809 гг. новое поражение от нее, Швеция, где в 1809 г. буржуазная революция смела полуабсолютистскую монархию Густава IV Адольфа, причем одной из целей устроителей переворота было сближение с Наполеоном для получения его поддержки против России, Швеция, где в 1810 г. престолонаследником был избран французский маршал Бернадот, — эта Швеция в 1812 г. не только не выступила на стороне Наполеона, но и заключила с Россией союзный договор, правда, далеко не во всем выполненный. Швеция даже готовилась совместно с русскими войсками нанести удар в тыл наполеоновских армий, в Северную Германию, однако этот план не был реализован.

Дело, разумеется, не в том, что «хитрый и честолюбивый гасконец», как часто называют Бернадота французские историки, изменил императору Наполеону, который якобы возвысил его, но которого Бернадот не любил и которому всегда завидовал, и поддался на обольщения «лукавого византийца», т. е. Александра I². Объяснение поворота в шведской внешней политике после 1809 г. нужно искать в реальных интересах шведских правящих кругов. В результате верхушечной буржуазной революции к власти пришло обуржуазившееся дворянство, связанное с торгово-мануфактурной буржуазией³. Заинтересованность в торговле с Англией, в ликвидации континентальной блокады, угрожавшей разорением Швеции, выдвигала на первый план не реванш за потерю Финляндии, а замысел присоединить Норвегию, принадлежавшую Дании. В Швеции к тому же начали осознавать историческую необходимость поддерживать нормальные отношения с Россией. Как считает один из ведущих шведских историков-экономистов К. Самюэльссон, потеря Финляндии не нанесла экономическим интересам Швеции столь уж значительного ущерба⁴. Если в 1809 г. под непосредственным впечатлением утраты Финляндии реваншистские настроения (их основным носителем была профранцузская «партия») проявлялись в Швеции очень сильно, то уже через два года картина совершенно изменилась. В шведских «верхах» все больше осознавали, что попытки возвращения Финляндии будут означать для страны новые разорительные войны. Бернадот, именовавшийся теперь шведским наследным принцем Карлом-Юханом, в письме к жене Дезире Клари, которая по настоянию Наполеона пыталась склонить мужа к союзу с Францией, писал: «Возвращение Финляндии... окажет на меня и на Швецию то же действие, что и сорочка Несса⁵: десять лет нужно будет вести кровавую борьбу для сохранения этой заморской провинции, и в конце концов Швеция неминуемо потеряет ее»⁶. Если в августе 1809 г. на заседании шведского совета министров канцлер двора Г. Веттерстедт восклицал: «В день, когда победоносная французская армия... двинется в Россию, поднимутся и шведские армии», то осенью 1811 г. издатель одной шведской газеты даже угодил в тюрьму за то, что поместил рассуждения о возмож-

---

сударствами. Брошюра эта написана, очевидно, под впечатлением победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Т. Т. Н ö j e r. Karl XIV Johan och Aleksander I. En vändpunkt i de svensk-ryska förbindelsernas historia. Stockholm, 1945). Для изучения рассматриваемой темы в нашем распоряжении имеется богатейший материал. Это полностью опубликованная в 1909 г. переписка Александра I и шведского наследного принца Карла-Юхана (Бернадота) («Correspondance inédite de l'empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812». Paris, 1909), ряд шведских публикаций (например, S c a e v o l a (P. S t r ö m b e c k). Utländska diplomaters minnen från svenska hofvet. Stockholm, 1885), документы советских и шведских архивов. Наиболее обстоятельной публикацией, освещающей русско-шведские отношения в 1812 г., является VI том (М., 1962) издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века» (далее — ВПР). (Отв. редактор академик А. Л. Нарочницкий).

² Так объясняли позицию Бернадота враждебно настроенные к нему А. Сорель, А. Вандаль, Э. Дрио и др. Недавно французский журналист Ж. Делек сделал попытку реабилитировать Бернадота в глазах соотечественников. — G. G i r o d d e l' A i n. Bernadotte. Chef de guerre et chef de l'état. Paris, 1968.

³ См. А. С. К а н. Швеция 1809—1810 гг. Государственный переворот или буржуазная революция. — «Новая и новейшая история», 1973, № 1, стр. 63—81.

⁴ К. S a m u e l s s o n. Från stormakt till välfärdsstat. Stockholm, 1968, s. 159.

⁵ Карл-Юхан имел в виду легенду о гибели древнегреческого героя Геракла, надевшего одежду, пропитанную отравленной кровью кентавра Несса.

⁶ Цит. по: P. T o m m i l a. Op. cit., p. 138.

ности возвращения Финляндии с помощью Наполеона ⁷. Таким образом, Норвегия, на которую уже давно с вождением смотрели шведские короли, стала главной целью внешней политики господствующих классов Швеции. Это быстро понял Карл-Юхан, разделявший популярную тогда теорию «естественных границ», согласно которой полуостровное шведско-норвежское государство, почти неуязвимое извне, представлялось идеальным.

Наполеон, к которому Карл-Юхан обратился в начале 1811 г., и слышать не захотел о притязаниях Швеции на Норвегию, принадлежавшую его верной союзнице Дании. Он предложил заключить союз с Францией против России, в награду за который Швеция должна была получить Финляндию. Французский император рассчитывал, что теперь Швеция так или иначе крепко привязана к его колеснице. Ведь несколько раньше ему удалось заставить шведов присоединиться к континентальной блокаде и объявить войну Англии. Однако Наполеон просчитался. Участие Швеции в блокаде и в войне с Англией в основном оставалось на бумаге ⁸. Наполеоновский диктат привел лишь к тому, что, вопреки ожиданиям профранцузской «партии» в Швеции и самого Наполеона, шведско-французские отношения начали серьезно ухудшаться. Ряды сторонников реваншистской войны против России редели. На позицию Карла-Юхана перешли и упоминавшийся Г. Веттерстедт, и министр иностранных дел Швеции Л. фон Энгстрем, до 1811 г. активные деятели профранцузской «партии».

В довершение всего 27 января 1812 г. французские войска заняли шведскую Померанию, последнее владение шведской короны на южном берегу Балтики, сохранившееся после Вестфальского мира 1648 г. Эта наполеоновская акция, проведенная под предлогом борьбы с английской контрабандой, нанесла серьезный удар по профранцузским настроениям в Швеции и окончательно открыла путь к сближению Швеции с Россией.

После прибытия Карла-Юхана в Стокгольм в конце 1810 г. началась осторожная подготовка для сближения недавних противников. Русскому представителю в шведской столице генералу П. К. Сухтелену Карл-Юхан недвусмысленно сказал, что Швеция должна примириться с потерей Финляндии и ее «счастье... неотделимо от мира с Россией» ⁹. В беседе с доверенным лицом Александра I, курьером в его переписке с Наполеоном и одновременно организатором разведывательной деятельности во Франции, полковником А. И. Чернышевым, шведский наследный принц бросил пробный камень в отношении заключения союза с Россией при условии присоединения Норвегии к Швеции ¹⁰. Сдержанная реакция русского правительства, еще не доверявшего бывшему французскому маршалу, не означала закрытия дверей для дальнейших переговоров. К концу 1811 г. параллельно с ухудшением отношений Швеции с Францией происходило укрепление русско-шведских связей. Этому способствовала начатая Карлом-Юханом подготовка общественного мнения страны к новому внешнеполитическому курсу. Одновременно дорогу к союзу прокладывало и русское правительство через поверенного в делах России в Стокгольме П. А. Николаи ¹¹.

Уже с конца 1810 г. русское правительство все больше укреплялось в мысли сблизиться со Швецией. Первым зондажем была миссия А. И. Чернышева. Молодой фаворит Александра I, очень информированный и разбирающийся в тонкостях дипломатии, будущий военный министр в записках царю и министру иностранных дел Н. П. Румянцеву весной 1811 г. подчеркивал необходимость союза со Швецией ¹². Аналогичное мнение высказывал не менее информированный и близкий к Александру I К. В. Нессельроде ¹³, будущий министр иностранных дел, а в 1810—1811 гг. советник русского

⁷ Ibid., p. 62—63, 243—244.

⁸ Об участии Швеции в континентальной блокаде см. E. N e c k s c h e r. The Continental System. An Economic Interpretation. Gloucester (Mass.), 1964; F. C r o u z e t. L'économie britannique et le blocus continental. T. 1—2. Paris, 1958.

⁹ ВПР, т. V. М., 1967, док. № 264.

¹⁰ «Сборник Русского исторического общества», т. 21. СПб., 1877, стр. 25—27.

¹¹ ВПР, т. VI, док. № 97, 102. Инструкции министра иностранных дел России Н. П. Румянцева П. А. Николаи 16(28) декабря 1811 г. и 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.).

¹² «Сборник Русского исторического общества», т. 21, стр. 62—63, 170—171.

¹³ K. N e s s e l r o d e. Lettres et papiers, t. III (1805—1811). Paris, 1909, p. 289—323. К. В. Нессельроде — М. М. Сперанскому 5(17) сентября 1810 г. и 4 (16) февраля 1811 г.

посольства в Париже с особыми поручениями. Русское правительство ставило целью прежде всего не допустить сближения Швеции с наполеоновской Францией и, если представится возможность, привлечь ее к союзу против Наполеона.

Сразу же после получения в Стокгольме известий о померанских событиях Карл-Юхан объявил Николаю, что пришло время заключить союз между Россией и Швецией, который должен стать основой новой антинаполеоновской коалиции¹⁴. В начале февраля в Петербург был послан один из ближайших сотрудников наследного принца, сторонник принятого им внешнеполитического курса граф Карл Левенхельм. В его инструкциях, ставших основополагающим документом «политики 1812 г.», излагалась шведская внешнеполитическая программа — отказ от возвращения Финляндии, сближение и союз с Россией, присоединение Норвегии в качестве компенсации за потерю Финляндии. Левенхельм должен был предложить Александру I заключить союзный договор, привлечь к нему Англию и с ее помощью организовать совместную русско-шведскую экспедицию против союзной Наполеону Дании, чтобы вынудить ее уступить Норвегию, а затем перебросить союзные войска в Северную Германию, где они могли бы нанести удар в тыл наполеоновским войскам¹⁵.

Одновременно и русское правительство приняло решение предложить союз Швеции. Уже 8 февраля, т. е. до получения в Петербурге известий из Стокгольма, у Александра I состоялось совещание наиболее приближенных к нему сановников. В нем участвовали министр иностранных дел Н. П. Румянцев, военный министр М. Б. Барклай-де-Толли, морской министр И. И. Траверсе¹⁶. На этом совещании выступил известный деятель автономной Финляндии, до 1810 г. шведский деятель, Г. Армфельт, с меморандумом, в котором приводились доводы в пользу русско-шведского союза¹⁷. Через день Румянцев отправил Николаю указание сообщить Карлу-Юхану, что Россия готова подписать со Швецией союзный договор¹⁸.

В начале марта в Стокгольм снова был отправлен Сухтелен с соответствующими полномочиями для заключения соглашения. При этом Сухтелену поручалось взять на себя командование русскими дивизиями, которые вместе со шведами должны будут открыть военные действия против Дании и высадиться затем в Северной Германии¹⁹. Тем временем в Петербург благополучно прибыл Левенхельм для переговоров с Александром I и Румянцевым. В них принял участие и Армфельт, составивший первоначальный проект договора²⁰.

В Стокгольме параллельные переговоры с Карлом-Юханом и Энгстремом начал Сухтелен. Ввиду неблагоприятных погодных условий конца зимы и ранней весны сообщение между столицами обоих государств было плохим, донесения дипломатов и инструкции шли долго и поэтому переговоры в обеих столицах приобрели известную самостоятельность. В апреле были заключены два договора²¹. В основном они совпадали — Россия давала согласие на присоединение Норвегии к Швеции до вступления Швеции в войну, обе стороны договаривались организовать совместную экспедицию в Данию и Северную Германию, предусматривалось привлечение Англии к активному содействию, Швеция обязывалась способствовать столь важному для России заключению мира с Турцией. Объединенный русско-шведский корпус должен был состоять из 25—30 тыс. шведов и 15—20 тыс. русских, которые согласно Петербургскому договору будут готовы к действиям к середине мая, либо, как оговаривалось Стокгольмским соглашением, перебросены в Сконе к 15 или 25 июня. По Петербургскому договору со-

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10822, л. 66 и об. П. А. Николай — Н. П. Румянцеву 20 января (10 февраля) 1812 г.

¹⁵ SRA Muscovitica (микрофильм из Шведского государственного архива). Карл XIII — К. Левенхельму 4 февраля 1812 г.

¹⁶ SRA Muscovitica. Шведский поверенный в делах в Петербурге Шенбум — министру иностранных дел Швеции Л. Энгстрему 30 января (11 февраля) 1812 г.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 5241, л. 6—7.

¹⁸ ВПР, т. VI, док. № 111.

¹⁹ ВПР, т. VI, док. № 119.

²⁰ О петербургских переговорах подробнее см. O. A l i n. Förhandlingarna om allianstraktaten mellan Sverige och Ryssland af den 5 april (24 mars) 1812. Uppsala, 1900.

²¹ Петербургский договор был заключен 24 марта (5 апреля) 1812 г. — ВПР, т. VI, док. № 130. В Стокгольме соглашение подписано 27 марта (8 апреля) 1812 г. — АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10825, л. 112—124.

держание русских войск во время их пребывания в Швеции на пути в Данию брала на себя шведская казна. Шведы, кроме того, должны были предоставить русским недостающие суда для транспортировки. Левенхельму не удалось добиться согласия русского правительства на действия русских войск непосредственно против Норвегии²².

В Петербургском договоре было еще одно условие, которое отсутствовало в Стокгольмском, — оба государства «гарантируют друг другу все их земли, владения и провинции в Европе в том виде, как они ими владеют сейчас или будут владеть в силу постановлений, содержащихся в настоящем договоре». Это было для русского правительства очень важной дополнительной гарантией окончательного перехода Финляндии в состав Российской империи. По настоянию Александра I договор, заключенный при его участии в Петербурге, был ратифицирован «как более соответствующий положению вещей»²³.

Уже с апреля 1812 г. в России и Швеции велась подготовка к совместной экспедиции. К началу июня в Финляндии сосредоточилось около 16 тыс. войск, полностью подготовленных к далекому походу. Однако все предприятие стало наталкиваться на серьезные препятствия. Тяжелое экономическое и финансовое положение Швеции привело к тому, что ее правительство было вынуждено просить у России займа. Однако в тот момент мобилизация всех ресурсов государства для подготовки отпора Наполеону помешала удовлетворению этой просьбы. Здесь помочь могла только Англия как традиционный кредитор всех антинаполеоновских коалиций. От ее содействия зависела судьба всей экспедиции.

Именно эти вопросы и оказались в центре русско-шведско-английских переговоров, начавшихся с апреля в Швеции — сначала в Стокгольме, а затем в небольшом городке Эребру, где заседал шведский парламент (риксдаг). Несмотря на объявление Швецией войны Англии, тайные контакты между обоими государствами продолжались. В Лондоне оставался неофициальный шведский представитель Г. М. Рехаусен. Осенью 1811 г. тайно прибывший в Швецию английский дипломат Э. Торнтон вел переговоры о восстановлении мира. Сразу же после померанских событий через Рехаусена английскому правительству было предложено прислать в Швецию уполномоченного для продолжения переговоров²⁴. Когда Торнтон под вымышленной фамилией приехал в Стокгольм, то неожиданно для себя узнал о заключении русско-шведского союза. Англия собиралась лишь заключить мир и восстановить торговые отношения со Швецией и, по возможности, с Россией. Теперь же Торнтон столкнулся с новыми требованиями шведов, чувствующих мощную поддержку России, — Англия должна встать на сторону русско-шведского союза, гарантировать присоединение Норвегии к Швеции и предоставить последней субсидию 1200 тыс. ф. ст.²⁵ А это не входило в планы англичан. К тому же ни Сухтелен, ни Торнтон не имели полномочий для ведения далеко идущих переговоров.

К 10 мая были выработаны лишь проекты мирных договоров Англии с Россией и Швецией, согласно которым должно было быть ликвидировано состояние войны, восстановлены дипломатические и торговые отношения и в общей форме провозглашен союз²⁶. Это не могло устроить русское правительство, стремившееся добиться активного содействия Англии в борьбе против Наполеона не только на Пиренейском полуострове, но и в других частях Европы. В частности, оно настаивало, чтобы англичане поддержали совместную русско-шведскую экспедицию и предоставили Швеции субсидии²⁷. Однако Каслри возразил против одновременного подписания мирного договора и соглашения о союзе с Россией и Швецией, в котором подробно были бы зафиксиро-

²² См. ВПР, т. VI, прим. 339, 364.

²³ «Correspondance inédite...», р. 7.

²⁴ S c a e v o l a. Op. cit., s. 222—223, 230—243. Энгстрем — Рехаусену, 1, 9 февраля, 21 марта 1812 г.

²⁵ «History of British Foreign Policy», vol. I, Cambridge, 1922, p. 595. Э. Торнтон — министру иностранных дел Англии Р. С. Каслри 9, 16 апреля 1812 г.

²⁶ ВПР, т. VI, прим. 426, 430.

²⁷ ВПР, т. VI, док. № 150. Н. П. Румянцев — П. К. Сухтелену 12 (24) апреля 1812 г.; «Correspondance inédite...», р. 7. Александр I — Карлу-Юхану 9 (21) апреля 1812 г.

ваны обязательства всех сторон. Были отклонены шведские требования в отношении гарантии Норвегии и субсидий. В новых инструкциях Торнтону Каслри подчеркивал необходимость прежде всего заключить мирные договоры и восстановить политические и торговые отношения, а затем уже вести переговоры о «совместном концерте» трех держав²⁸.

Таким образом, столь важные для судеб всей Европы переговоры зашли в тупик. Между тем в мае—июне 1812 г. Наполеон стянул к границам России огромную армию. Война становилась неизбежной, а государства, которые должны были составить основу антинаполеоновской коалиции, никак не могли договориться. К этому добавились опасения Швеции, что в последний момент Александр I пойдет на компромисс с Францией и тогда рухнут ее планы в отношении Норвегии и Швеция будет поставлена в очень тяжелое положение²⁹. Затягивающиеся переговоры с Англией и миссия Л. Нарбонна в ставку Александра I в Вильно лишь усиливали тревогу. Шведы стали склоняться к английской точке зрения — сначала мир, затем переговоры о союзе и субсидиях, тем более что это позволило бы Швеции уклониться от выполнения условий русско-шведского союза до подходящего момента. Русскому правительству ясно было дано понять, что без финансовой помощи Англии о совместной экспедиции нечего и думать, а получить ее можно только после заключения мирных договоров³⁰.

Положение осложнялось тем, что у Сухтелена и Николаи, подключившегося к переговорам, не было ясных указаний. А 3 июня Торнтон официально сообщил, что им получены полномочия для подписания мирного договора³¹. Однако русское правительство, запретив Сухтелену подписывать любые соглашения с Англией без предварительного согласования, вновь высказало пожелания, чтобы англичане предоставили Швеции субсидии и удовлетворили их остальные требования. Для России необходим был не только мир с Англией, сам факт заключения которого мог стать предлогом для наполеоновского вторжения, но и союз с ней, ее финансовая и военная поддержка. Не прося субсидий, русское правительство предложило, чтобы Англия для облегчения тяжелого финансового бремени, которое ложилось на Россию в связи с подготовкой к войне, взяла на себя русский государственный долг Голландии, образовавшийся еще при Екатерине II³².

Не прояснила положение, создавшееся в ходе тройственных переговоров, и заключенная в Вильно 15 июня дополнительная русско-шведская конвенция. Швеция после ратификации Петербургского договора, ссылаясь на тяжелое финансовое положение, предложила пересмотреть некоторые его статьи в свою пользу, в частности условия содержания русских войск в Швеции. В новом соглашении предусматривалась возможность действия объединенных войск непосредственно против Норвегии, Россия теперь обязывалась снабжать свои войска в течение двух месяцев после их переброски в Швецию, а также покрыть расходы шведов по транспортировке этих войск из Финляндии, если средства для этого не будут предоставлены Англией³³. В ходе переговоров, предшествовавших заключению конвенции, был поднят и вопрос об отношениях с Англией и о затяжке переговоров с Торнтоном. Левенхельм настойчиво убеждал Александра I и Румянцева в необходимости скорейшего заключения мира с Англией³⁴.

Однако Россия не отказалась от ранее выдвинутых условий. В день подписания конвенции Александр I сообщил Карлу-Юхану, что выдвигает перед Англией одно

²⁸ «History of British Foreign Policy», vol. I, p. 592—593. Р. Каслри — Э. Торнтону 7 и 8 мая 1812 г.

²⁹ Ibid., p. 598. Э. Торнтон — Р. Каслри 6 июня 1812 г.

³⁰ «Correspondance inédite...», p. 14. Карл-Юхан — Александру I 26 мая 1812 г.; АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10825, л. 231—232. Адъютант Карла-Юхана К. Ю. Юлленшельд — П. К. Сухтелену 23 мая 1812 г.; там же, л. 229. П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву 14 (26) мая 1812 г.

³¹ Там же, л. 246. Э. Торнтон — П. К. Сухтелену 3 июня 1812 г.

³² Н. П. Румянцев — П. К. Сухтелену 20 мая (1 июня) 1812 г. Одна депеша опубликована в ВПР, т. VI, док. № 167. Другая неопубликована (см. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10827, л. 65, и об.). Депеша от 30 мая (11 июня) 1812 г. см. ВПР, т. VI, док. № 169. О «голландском долге» см. подробнее ВПР, т. VII. М., 1970, прим. 305; т. VIII. М., 1972, прим. 102.

³³ ВПР, т. VI, док. № 171.

³⁴ SRA Muscovitica. К. Левенхельм — Карлу-Юхану 22 мая (3 июня) и Карлу XIII 31 мая (12 июня), 2 (14) июня 1812 г.

условие: «одновременно с русско-английским миром должен быть подписан акт, согласно которому Англия предоставляет Швеции субсидии»³⁵. Одновременно Румянцев составил новую инструкцию Сухтелену, включающую, наконец, полномочия подписать мирный договор с Англией, но с обязательным включением статьи о «голландском долге». Инструкция была отправлена несколько позже, за два дня до начала войны³⁶.

Тем временем шведское правительство продолжало добиваться заключения мира, воздействуя на обе стороны. Так, во время беседы с русским курьером П. А. Пизани Карл-Юхан стал настаивать на том, чтобы русским представителям скорее были присланы полномочия для заключения мира с Англией. Курьеру Кенигсфельсу шведский наследный принц заявил, что без заключения мира между Россией и Англией, Швеция не сможет «действительно выступить в пользу общего дела»³⁷, т. е. активно участвовать в борьбе с наполеоновской Францией. С подобными предложениями Карл-Юхан обращался непосредственно к Александру I³⁸. Довольно резко была составлена инструкция Энгстрема Левенхельму от 27 июня, предписывающая шведскому дипломату возобновить его настояния относительно мирного договора с Англией³⁹.

Одновременно Карл-Юхан неоднократно встречался с Торнтоном, добиваясь желанных субсидий, снизив их до 1 млн. ф. ст. Швеция теперь соглашалась подписать мирный договор с Англией без других дополнительных условий, но в дальнейшем она отказывалась вооружаться, если после заключения мира ее требования не будут удовлетворены⁴⁰. Эта настойчивость принесла определенные результаты. 18 июля в Лондоне было принято решение выделить для покрытия расходов на вооружение, которое должно было поставляться в Швецию, 500 тыс. ф. ст. 25 июля Каслри распорядился отправить шведам 20 тыс. ружей и 23 артиллерийских орудия⁴¹. Следует отметить, что все эти меры были приняты до получения известия в Лондоне о заключении 18 июля мирных договоров, о которых пойдет речь далее. На ход переговоров, естественно, изменение английской позиции никакого влияния оказать не могло.

Во второй половине июня Сухтелен совместно с Николаи возобновил в Эребру переговоры с Торнтоном, исходя из полученных инструкций от Румянцева. Удалось лишь окончательно согласовать проект мирного договора, который был отослан на утверждение Александра I, правда без гарантий в отношении «голландского долга», на что Торнтон наотрез отказался согласиться⁴². Главные же вопросы — подписание этого договора и тем самым прекращение состояния войны между Россией и Англией и между Швецией и Англией, а также судьба тройственного антинаполеоновского союза и русско-шведской экспедиции — оставались неясными. Из-за нежелания английского правительства удовлетворить в тот момент требования России и Швеции, прежде всего в финансовых вопросах, активность последней существенно сдерживалась и тем самым откладывалась диверсия в тыл Наполеона. Интересно, что с тревогой воспринимавший доходявшие до него сведения о секретных переговорах и шведских приготовлениях датский поверенный в делах в Стокгольме Ф. Баудиссин уже 2 июля с некоторым облегчением сообщал в Копенгаген об уменьшении риска нападения на датские владения. Он был убежден, что, как только Англия пойдет навстречу требованиям Швеции, последняя объявит Дании войну. Но, добавлял он, к счастью для Дании, «инструкции Торнтонна, видимо, не уполномачивают его заходить так далеко»⁴³. Главной причиной

³⁵ «Correspondance inédite...», p. 15.

³⁶ ВПР, т. VI, док. № 175.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10823, л. 2—3; д. 10829, л. 2—3. Отчеты П. А. Пизани и Кенигсфельса о беседах с Карлом-Юханом (июнь — июль 1812 г.).

³⁸ «Correspondance inédite...», p. 17—18, 22. Карл-Юхан — Александру I 27 июня и 6 июля 1812 г.

³⁹ SRA Muscovitica.

⁴⁰ «History of British Foreign Policy», vol. I, p. 598—599. Э. Торнтон — Р. Каслри 24 июня 1812 г.

⁴¹ См. F. W. M o r é n. Englands subsidier åt Sverige under år 1812. Historisk Tidskrift. Stockholm, 1927, s. 180—181; J. M. S h e r w i g. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793—1815. Cambridge (Mass.), 1969, p. 276—277.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10825, л. 290—295. П. К. Сухтелен и П. А. Николаи — Н. П. Румянцеву 15 (27) июня 1812 г.

⁴³ C. J. A n k e r, F. U. W r a n g e l. Ur diplomaters meddelanden från Stockholm 1807—1813. Stockholm, 1897, s. 144—145.

такого поведения английской дипломатии было явное нежелание правящих кругов Англии, при всей их ненависти к Наполеону, усиливать позиции России и союзной с ней Швеции в Европе ⁴⁴.

С переходом наполеоновских войск через Неман 24 июня 1812 г. обстановка в Европе коренным образом изменилась. После нападения Наполеона Россия могла идти на заключение мира с Англией, так как опасения спровоцировать войну теперь отпадали, а подписание мира и восстановление дипломатических и торговых отношений должно было сделать английскую дипломатию более стоворчивой. 3 июля Румянцев отправил из села Видзы Сухтелену и Николаи указание подписать согласованный в июне проект договора. При этом подчеркивалось, что Россия «не имея ничего дороже, чем интересы Швеции ... с готовностью *соглашается на новую жертву* (курсив наш. — В. Р.), идя навстречу ее пожеланиям» ⁴⁵.

14 июля инструкция была получена в Эребру, однако окончательное подписание мирного договора опять отсрочилось, на этот раз — из-за того, что Торнтон уехал в Гетеборг для встречи с командующим английской эскадрой на Балтике. Он вернулся 18 июля и в тот же день у Энгстрема состоялась встреча русских дипломатов с Торнтоном, во время которой были подписаны русско-английский и шведско-английский мирные договоры ⁴⁶. Через 25 дней после начала Отечественной войны между участниками складывавшейся антинаполеоновской коалиции был восстановлен мир и провозглашен союз, хотя и без каких-либо конкретных обязательств. Кроме того, Англии было официально передано предложение присоединиться к Петербургскому договору ⁴⁷.

Июльские мирные договоры, подписанные в Эребру, стали после русско-шведских (апрельского и июньского) соглашений дальнейшим шагом на пути укрепления антинаполеоновской коалиции, окончательно сложившейся в военный союз только в 1813 г., после разгрома армии Наполеона на полях России и присоединения Пруссии и Австрии. Правда, Англия все же уклонилась от активного участия в войне. На пассивность обрекалась этим соглашением и Швеция, ибо то, что предоставила ей в июле Англия, было недостаточно. Позиция английского правительства позволила Карлу-Юхану фактически не выполнять союзные обязательства перед Россией. Планировавшаяся совместная русско-шведская экспедиция не была осуществлена. Напрасно командование русского экспедиционного корпуса в Финляндии, переданного после начала военных действий в распоряжение Карла-Юхана, ожидало его приказа начинать погрузку на суда ⁴⁸. Лишь в начале сентября 1812 г. в разгар Отечественной войны (после Абосской встречи между Александром I и Карлом-Юханом) этот корпус под командованием генерала Ф. Ф. Штейнгеля был переброшен под Ригу, где принял участие в сражениях с войсками Наполеона ⁴⁹.

Осенью 1812 г. шведское правительство занимало выжидательную позицию, придерживаясь по отношению к России дружественного нейтралитета. Дипломатические отношения с наполеоновской Францией сохранялись в течение всего года, хотя и были очень натянутыми. В октябре 1812 г. французский поверенный в делах О. Кабр даже получил от Энгстрема предписание покинуть шведскую столицу и обосноваться где-либо рядом со Стокгольмом ⁵⁰.

Позиция Швеции стала меняться после решающих побед русского оружия. В конце

⁴⁴ См. Л. А. Зака. Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963, стр. 97—98.

⁴⁵ ВПР, т. VI, док. № 182.

⁴⁶ Текст русско-шведского договора см. ВПР, т. VI, док. № 199, а шведско-английского см. «British and Foreign State Papers», vol. I (1812—1814), pt. I. London, 1844, p. 15—17.

⁴⁷ ВПР, т. VI, док. № 200. Протокол заседания уполномоченных России, Англии и Швеции на русско-английских и шведско-английских мирных переговорах 6 (18) июля 1812 г.

⁴⁸ ВПР, т. VI, док. № 180. Н. П. Румянцев—П. К. Сухтелену 13 (25) июня 1812 г.; ОР ГПБ, ф. 993 (Архив П. К. Сухтелена). Донесения А. Б. Фока — П. К. Сухтелену июнь — июль 1812 г.; Н. Д. Каллистов. Русский флот и Двенадцатый год. СПб., 1912.

⁴⁹ См. П. А. Жилин. Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1968, стр. 264.

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10826, л. 64, и об. П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву 28 сентября (10 октября) 1812 г.

ноября 1812 г. Швеция сделала еще один шаг к разрыву с Наполеоном. Были восстановлены дипломатические отношения и заключен союз с Кадикской регентской хунтой в Испании⁵¹. Тем самым Карл-Юхан рвал связи со своим родственником Жозефом Бонапартом, которого Наполеон посадил на испанский трон. В конце года под давлением русской и английской дипломатии Швеция, наконец, порвала дипломатические отношения с Францией. В апреле-мае 1813 г. Карл-Юхан высадил свои войска в Северной Германии. Они влились в состав отданной под его командование Северной армии союзников, принявшей участие в кампаниях второй половины 1813 и первой половины 1814 гг. Таким образом, русско-шведский союз был осуществлен лишь в 1813 г. и несколько иначе, чем предполагалось сначала.

Какое же значение в целом имел русско-шведский союз в дипломатической подготовке Отечественной войны 1812 г. и в истории русско-шведских отношений нового времени? Прежде всего, одним из основных результатов союза России со Швецией в 1812 г. было то, что русское правительство могло не беспокоиться за свой правый фланг. Наполеон потерпел в Стокгольме свое первое в 1812 г. дипломатическое поражение. Вторым политическим ударом по французскому императору, как мы знаем, явилось заключение Россией мира с Турцией. Окончились неудачей все попытки французской дипломатии повернуть весной и ранним летом 1812 г. Швецию против России. Карлу-Юхану сулили возвращение не только Финляндии, но и утраченных еще в начале XVIII в. владений в Прибалтике. Швеция твердо выбрала курс на сближение с Россией. В начале Отечественной войны она оказалась единственным в Европе государством, связанным с Россией союзным договором. В 1812 г. закрепилась тенденция к коренному повороту в отношениях между обоими государствами. Отныне войны между Россией и Швецией, столь частые в XVII и XVIII вв., стали всего лишь историей. Швеция подтвердила свой отказ от Финляндии, что не могло не усилить русские позиции в недавно присоединенной стране. Как уже отмечалось, союз позволил в критический момент вывести из Финляндии войска и перебросить на основной театр военных действий. Сближение с Россией устраняло для Швеции опасность войн на востоке, а в дальнейшем способствовало становлению ее нейтралитета, ставшего в наши дни традиционным. Сближение с Россией имело важное значение для облегчения тяжелого продовольственного положения Швеции. В мае-июне 1812 г. русское правительство разрешило шведам закупать и вывозить хлеб, что было запрещено для других государств⁵². Этот шаг в большой степени содействовал увеличению симпатий населения страны к России⁵³. Определенную роль русско-шведский союз сыграл и в заключении мира между Россией и Турцией. На заключительной стадии переговоров с Турцией на последнюю несомненно воздействовала весть о русско-шведском сближении. Из наполеоновских планов создания громадной антирусской коалиции выпали, таким образом, два существенных звена — Швеция и Турция.

⁵¹ ВПР, т. VII. М., 1970, прим. 37.

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 11019, л. 57—62, 80—81; д. 11020, л. 21—28. Переписка Н. П. Румянцева и К. Левенхельма май — июнь 1812 г.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 10825, л. 276—280, П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву 13 (25) июня 1812 г.